

Наталья Александрова



Наталья Александрова

**СМЕРТЬ**  
под псевдонимом

  
ЖИ  
РЫ  
**АСТ**  
МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44  
А46

Компьютерный дизайн – *Андрей Смирнов*

**Александрова, Наталья.**

**А46** Смерть под псевдонимом / Наталья Александрова. – Москва : АСТ, 2015. – 320 с.

ISBN 978-5-17-082476-2 (Иронический детектив)

ISBN 978-5-17-082477-9 (Дело ведет...)

Надежда Лебедева была по природе своей женщиной любопытной. Нет, она не подслушивала под соседской дверью и на даче не наблюдала за соседями в бинокль, не вела учет, кто из сотрудников с кем вышел попить кофе или покурить. Любопытство Надежды было иного рода. Она обожала всякие детективные истории и всегда старалась в них разобраться, даже если ее никто об этом не просил.

На сей раз виной всему стало приглашение в... крематорий, на похороны некоего Алексея Кондратьева. Кем он ей приходится, Надежда не знала, всю ночь промучилась, перебирая в памяти друзей детства, институтских знакомых и бывших сослуживцев, и решила, что идти на эти треклятые похороны надо, чтобы выяснить хотя бы, кто же такой этот Кондратьев.

Ну а дальше... А дальше Надежда угодила в эпицентр криминальной истории, и ей ничего не оставалось, как взяться за любимое хобби...

УДК 821.161.1-312.4  
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-082476-2 (Иронический детектив)

ISBN 978-5-17-082477-9 (Дело ведет...)

© Александрова Н.

© ООО «Издательство АСТ»

— Молчи! — заорала Надежда. — Молчи, злодей! Лучше молчи и когти спрячь!

Кот не обратил на ее слова ни малейшего внимания, он орал диким мявом и вырывался, норовя цапнуть хозяйку всеми двадцатью когтями. Не очень-то это у него получалось, потому что Надежда была опытной котовладелицей и, прежде чем приступить к коту, обмотала руку полотенцем.

Сейчас она перехватила кота поудобнее и провела по его боку ваткой, смоченной в растворителе. Кот взвыл и дернулся, но пятно краски на боку не стало меньше.

— Сам виноват, — Надежда удвоила усилия, — нечего было пачкаться. Вот зачем ты полез в краску, скажи на милость? Что ты там забыл? И куда ты теперь пойдешь в таком виде? Тут, милый мой, хоть год облизывайся, без растворителя ничего не сойдет!

Бейсик прижал уши и зашипел из последних сил.

— Убила бы! — честно сказала Надежда. — Вот убила бы, и все! И как бы хорошо зажила! Потому что все мои неприятности исключительно из-за тебя!

Это было верно на все двести процентов. Потому что котяра был наглый и хулиганский, Надеждин муж Сан Саныч разбаловал его до невозможности. При нем, надо сказать, Бейсик вел себя идеально — ясно, притворялся, артист несчастный! Кот мелодично мяукал, давал почесать шелковистое кремное пузо и, разлегшись у мужа на коленях, долго и со знанием дела мурлыкал. В общем, работал котом.

Днем же, когда муж был на работе, котяра давал волю своим низменным инстинктам.

У Надежды Николаевны с котом было два камня преткновения — цветы и обои. Кот жрал все, что высовывалось из земли хотя бы на миллиметр, особенно уважал луковичные и перистое растение, называемое в народе «тещин язык». Надежда давно выбросила его остатки на помойку. Еще кот любил рыться в ящиках с геранью и опрокидывать горшки с цветущими азалиями. Надежда по этому поводу воевала с рыжим негодяем неустанно, но победа не всегда оставалась за ней.

Вторым сложнейшим вопросом были обои. Бейсик драл их с упорством, достойным лучшего применения. В начале его жизни (коту в этом декабре исполнится одиннадцать лет) это были дешевые бумажные обои в мелкий розовый цветочек. Затем обои стали плотнее и в полосочку.

По мере роста благосостояния семьи Лебедевых качество обоев все улучшалось, но кот также совершенствовал свое мастерство. Кот драл все — и моющиеся плотные обои, и английские тисненные, и гладкие как шелк. И вот, когда Надежда всерьез подумывала, не обить ли прихожую листовым желе-

зом, они переехали в квартиру Сан Саныча, где раньше жил его сын с семьей, который уехал на несколько лет работать по контракту в Канаду. У невестки был сделан дорогуший ремонт, и обои под три слоя краски. Надежда успокоилась было, но проклятый котяра и тут умудрился найти малюсенький отставший уголок, а там уж дело техники — подцепил когтем и порядок.

Обнаружив такое безобразие, Надежда пришла в ужас: как она посмотрит в глаза невестке, когда та приедет в отпуск? Не может быть никаких оправданий!

Надежда нашла в кладовке кусок обоев и подобрала в магазине нужный колер. Прихожая у невестки была цвета голубого льда, и на полу лежала такая же плитка с редкими вкраплениями темно-синей. И вот, когда Надежда Николаевна открыла банку и достала кисточку, чтобы закрасить кусок свежепоклеенных обоев, зазвонил телефон. И пока Надежда, чертыхаясь, искала трубку в глубине квартиры, предприимчивый котяра умудрился опрокинуть банку и вымазал весь бок голубой краской!

Надежда никогда не оставила бы кота наедине с открытой банкой, уж на это-то у нее хватило бы ума и осторожности. Но ведь только что милый котик уютно спал на кровати в спальне! И вот, нате вам, за какие-то две минуты он успел устроить этакую пакость! Да еще оказалось, что краска смывается не водой, а химическим растворителем, вонючим до невозможности. Было от чего прийти в отчаяние. Тем более что к телефону Надежда не успела, там уже повесили трубку. Черт знает что!

Растворитель, наконец, подействовал, краска потихоньку сходила. Кот чихал, сама Надежда обливалась слезами, до того едким был запах. Наконец она сочла, что дело сделано, и дала коту вырваться. Он стремглав помчался прочь, но Надежда загодя позакрывала все двери в комнаты, так что Бейсику оставалось рваться только на кухню. Там он одним махом взлетел на пенал и затаился. Надежда едва успела закрыть банку и оттереть плитки пола, как снова зазвонил телефон.

Надежда взяла трубку осторожно, бумажным полотенцем, потому что сама была вся в краске.

— Здравствуйте, я говорю с Надеждой Николаевной Лебедевой? — раздался в трубке официальный женский голос.

— Да, я вас слушаю, — ответила Надежда, захватившись.

Сердце неприятно екнуло, от таких официальных голосов не ждала Надежда Николаевна ничего хорошего. Казалось бы, нет у нее ни частного предприятия, чтобы беспокоили из налоговой инспекции, ни сына-подростка, который попал бы на заметку в милицию, а вот поди ж ты — сердце дурную весть чувствует.

— Примите, пожалуйста, сообщение, — проговорила женщина, — похороны Алексея Ивановича Кондратьева состоятся завтра, пятнадцатого октября, в двенадцать тридцать в крематории. Как туда проехать, знаете?

— Знаю, — машинально ответила Надежда, — а что...

Но в трубке уже раздавались короткие гудки. Надежда оторопело посмотрела на трубку, механичес-

ки вытерла голубое пятно краски и осторожно сунула ее в гнездо.

— Кондратьев... — пробормотала она, — кто такой Кондратьев?

При первом приближении такая фамилия в голове не всплывала. Это было странно, потому что Надежда Николаевна на память никогда не жаловалась. Знакомых у нее было множество, потому что Надежда была женщиной общительной, и знакомые эти в большинстве своем проживали в Петербурге, поскольку сама Надежда родилась и выросла здесь и надолго никуда не уезжала. Надежда старалась поддерживать давние знакомства, изредка перезванивалась с подругами детства, со школьными же непременно встречалась хотя бы раз в год.

Размышляя так, Надежда протерла пол в коридоре, убрала злополучную банку с краской в кладовку, приняла душ и переделалась. Растворитель вонял зверски, так что она раскрыла окна, зорко следя, чтобы кот не пролез в щелку. Кот, кстати, так и сидел на пенале, видно, сильно измучился. По наблюдению Надежды, он пытался умываться, но только чихал и кашлял.

— Так тебе и надо! — сказала Надежда Николаевна. — Не будешь хулиганить!

Однако сказала она это без должного драйва, потому что мысли ее были заняты неизвестным умершим Кондратьевым. Кто же он такой? Кем придется Надежде? Ведь позвонили же ей по домашнему номеру, по имени-отчеству назвали, стало быть, ошибки быть не может...

Промаявшись некоторое время, Надежда пришла к выводу, что неизвестный Кондратьев не может быть знаком ей с детства или со школы. Или из института. Во-первых, она всех помнит, а во-вторых, если, не дай Бог, что случится, то позвонил бы кто-то из старых друзей, поохали бы вместе, посокрушались. А тут голос совсем незнакомый, и главное — не расстроенный. Надежда сразу отметила по голосу, что женщине, в общем-то, все равно. Посторонний человек, звонит по обязанности. Раньше так из профкома звонили.

Вот именно, подвела итог Надежда, стало быть, этот Кондратьев с бывшей ее работы, из научно-исследовательского института.

«Не помню, — в который раз подумала Надежда, — ну не помню я никакого Кондратьева! Не работала с ним никогда!»

Уже давно у нее в голове бродила мысль — забыть про звонок и никуда не ходить. Ну, позвонили всем по списку, мало ли что? Не смогла прийти, что с того? В командировку уехала, с работы не отпустили...

Все это было полное вранье, потому что Надежда Николаевна уже год не работала, из института ее сократили, и теперь она считалась домашней хозяйкой. Ух, как Надежда ненавидела это слово!

Чтобы снять стресс после истории с котом и краской, Надежда решила выпить кофейку. Под заинтересованным взглядом кота она сделала себе калорийный горячий бутерброд с ветчиной, сыром и помидорами и воткнула еще туда для красоты веточку петрушки.

Бейсик негодующе фыркнул.

— Ладно уж, — миролюбиво сказала Надежда, откусив бутерброд, — слезай, тебе тоже нужно снять стресс.

Кот прыгнул с пенала на холодильник, а с холодильника — на стул, при этом чашки в буфете жалобно зазвенели — кот весил почти девять килограммов. Сразу же резко запахло растворителем.

— Да, — злорадно сказала Надежда, — шерсть очень долго держит запах. Может, ванну примешь? С пеной...

Кот посмотрел грустно, и Надежда устыдилась. Сан Саныч утверждал, что кот не только понимает человеческие слова, но также и шутки, и сарказм. Иногда Надежда думала, что муж прав.

После кофе Надежда несколько успокоилась, только какой-то мелкий червячок точил душу: кто такой Кондратьев, кто такой Кондратьев... Наверно, все-таки с работы. Чтобы успокоиться, нужно позвонить Милке и все выяснить.

Милка была давнишней приятельницей, когда-то они вместе работали, потом Милка уволилась, но связь с Надеждой не теряла. Более того, Милка была в курсе всех событий, случавшихся со всеми, кто когда-либо работал в их отделе: кто с кем развелся, кто женился во второй раз, у кого родились дети, у кого уже внуки...

Милка ответила сразу — она устроилась программистом-надомником, и телефон у нее стоял рядом на столе.

— Привет, Надя, — обрадовалась Милка, — слушай, что скажу!

— Да, — перебила Надежда, зная, что если Милку не остановить, она может болтать до вечера, — я тоже кое-что узнала...

— Что? — завопила Милка. — Так ты, выходит, уже в курсе этой ужасной истории?

В ее голосе сквозило явное огорчение, ясно, что Милка надеялась изложить подруге свежую сплетню.

— Да нет, — вздохнула Надежда, — мне позвонили, но толком ничего не сказали... Что там случилось с Алексеем...

Она замялась, неудобно было признаваться, что совершенно не помнит, кто же такой этот Кондратьев.

— Ой, Надя, это полный кошмар! — Надежда воочию увидела, как Милка всплеснула руками. — Значит, он решил жениться, представляешь!

— И что? — недоуменно спросила Надежда.

— А то, что невеста на двадцать пять лет его моложе! Такая тихая мышка, училка начальных классов! Ну, умная да красивая за него бы не пошла, сама понимаешь, ему пятьдесят два, и богатства никакого особенного не наблюдается.

Надежда хмыкнула что-то неопределенное, давая понять Милке, что внимательно слушает.

— И дело шло к свадьбе, он уже к ней переехал, в квартиру однокомнатную где-то в Сосновой Поляне или еще дальше, как вдруг обнаруживается у невесты папа.

— Как это?

— А так, он, понимаешь, их с матерью бросил, когда ей три года было, уехал в Сибирь или на Север, алиментов не слал, мать думала, что спился он

там где-то или замерз под забором. Оказалось — нет, пил, правда, вроде бы даже сидел, но в перестройку очухался, дело свое организовал — не то у него рудники серебряные, не то золотые россыпи... — Милка сказала это глубоким хриплым голосом Высоцкого, — в общем, до того денег много, что решил уже о душе подумать, доброе дело какое-нибудь сделать. И тут ему в голову вступило, что у него когда-то дочка была в Петербурге. Ну, нашел ее очень быстро, приехал — так и так, прощения прошу, хочу искупить вину свою.

— А она что? — невольно любопытствовала Надежда. Как всякая женщина, она обожала такие жизненные истории.

— А что она? — Милка, надо думать, там, у себя, пожала плечами. — Кто же от богатого папаши окажется? Он ее одел как куклу, бриллиантами обвешал, по ресторанам водил, с работы снял — это ли не жизнь? Сама понимаешь, от такой веселой жизни она про жениха своего как-то подзабыла. Но он настырный оказался — ты же знаешь нашего Лешу. Ну, улучила она минутку, познакомила их с папашей. Тот человек простой — сразу сказал, что думает. Гони, говорит, доча, этого плешивого хмыря от себя подальше. Нечего ему возле тебя крутиться, толку от него нигде не будет — ни в жизни, ни в постели. Ты, говорит, при деньгах моих кого получше выбрать можешь. А замуж вообще не спеши, поживи весело, уж я об этом позабочусь. Ну, она прикинула — по всему выходит, что прав папашка на сто процентов. И дала жениху от ворот поворот. Прости, говорит, думала, что любовь у нас с тобой до гроба, а выхо-

дит, ошиблась я. И пошел наш Алексей Петрович лесом за пиковым интересом...

— Иваныч... — машинально поправила Надежда.

— Чего? — удивилась Милка.

— Я говорю — Иваныч, Алексей Иваныч...

— Как это — Иваныч? — возмутилась Милка. — Петрович он, Алексей Петрович Перфильев, я ведь секретарем работала, всех по имени-отчеству помню!

— Так ты про Перфильева говоришь? — настал Надеждин черед удивляться.

— А про кого же еще? Надежда, ты спишь, что ли, или грезишь? Я битый час тут распинаюсь, а ты не в теме! Ты что — вообще никого не помнишь с работы? Кроссворды надо решать, говорят, помогает...

— Как это — не помню? — обиделась Надежда. — Перфильева я очень хорошо помню!

Алексей Петрович Перфильев был у них в институте личностью по-своему уникальной. Он женился. И делал это с завидным постоянством через некоторые промежутки времени. Дискретный промежуток составлял семь лет. Плюс-минус несколько месяцев.

Начал он сей процесс довольно рано, сразу после окончания института. Невесту взял свою, из бывшей группы. Сыграли шумную студенческую свадьбу, после чего молодые зажили у родителей в проходной комнате малогабаритной квартиры. В течение семи лет в семье не происходило ничего особенного, как у всех — ребенок родился, квартиру получили. По прошествии этого срока Перфильев неожиданно развелся и женился на девушке из со-

седней лаборатории, которая была его моложе на пять лет.

Никто особо не удивился: дело житейское, по молодости не разобрался, ошибся, а теперь, в тридцать лет, нашел свою половинку. Тем более что вел себя Перфильев при разводе очень прилично, оставил жене и ребенку двухкомнатную квартиру, а сам ушел к молодой жене в коммуналку.

Потекли годы. Работу Алексей не менял, так что постоянно находился на глазах общественности. Поначалу, надо сказать, ничего особенного не происходило. Перфильев окунулся в работу, получил повышение и взял кредит в кассе взаимопомощи, чтобы выстроить кооператив. Удалось влезть в очередь, и через два года въехали они в новую квартиру уже втроем — лаборантка родила ребенка. И снова никто не удивился: все как у всех, дело житейское.

После положенного декретного отпуска лаборантка в институт не вернулась — пошла работать воспитателем в садик, чтобы быть поближе к ребенку.

И вот, когда минуло семь лет их брака, Перфильев неожиданно для всех развелся и женился на молодом специалисте. Та как раз отработала положенные по закону три года после института и собиралась увольняться, но теперь передумала, сообразила, что негоже оставлять мужа без присмотра.

Общество пожало плечами, но жалоб от лаборантки не поступало, поскольку Перфильев по привычке оставил прошлой жене и ребенку кооперативную квартиру и стал со своей молодой специалисткой снимать жилье. Она сама была из провинции и до брака жила в общежитии.